

Бублейник Л. В.,

Волынский институт экономики и менеджмента, г. Луцк

ИНТЕРТЕКСТ КАК ЯВЛЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Исследуются способы использования интертекста в лирике Б. Ахмадулиной, способствующие органическому его вхождению в речевую ткань стихов и образному обословлению в новых художественных условиях.

Ключевые слова: интертекст, “чужое слово”, диалогизм, импликатура, оксиморон.

Досліджено засоби використання інтертексту в ліриці Б. Ахмадуліної, які сприяють органічному його входу в мовну тканину віршів та образному ускладненню в нових художніх умовах.

Ключові слова: інтертекст, “чуже слово”, діалогізм, імплікатура, оксиморон.

The paper investigates the means of intertext use in the poetry by B. Akhmadulina. These means promote intertext smooth integration into the language canvas of poems as well as more complicated images in new literary conditions.

Key words: intertext, “the word of others”, dialogism, implicature, oxymoron.

Проблема интертекста в своих основах восходит к концепции диалогичности текста М. М. Бахтина, по мнению которого “... высказывание наполнено *диалогическими обертонами*, без учета которых нельзя до конца понять стиль высказывания. Ведь и самая мысль наша <...> рождается и формируется в процессе взаимодействия и борьбы с чужими мыслями, и это не может не найти своего отражения и в формах словесного выражения нашей мысли” [2, с. 197].

В последнее время феномен интертекстуализации привлекает пристальное внимание исследователей, в первую очередь в литературоведении [4; 5]; в меньшей мере проблема освещена в лингвистическом аспекте [3]. Между тем актуальность анализа форм и путей языкового выражения “чужого слова” в художественном произведении не подлежит сомнению: этот анализ, при учете междисциплинарного характера проблемы, дает материал, важный не только для лингвистики, но и для литературоведения, культурологии и других, пограничных областей науки.

Целью статьи является рассмотрение некоторых черт интертекста в русской поэзии. Ставится задача описать на материале лирики Б. Ахмадулиной структуры, которые выявляют характерные черты ее идиостиля, своеобразно трансформирующего интертекстуальные элементы. Их источником являются тексты русской литературы прошлых эпох, главным образом классика “золотого века”, и вершины мировой литературы.

Интертекстуальные стратегии в идиостиле Б. Ахмадулиной многообразны, диалог разноплановых единиц “своей” и “чужой” речи протекает в разных формах. Тематически мотивированное включение интертекста может сопровождаться сигналом – ссылкой на лицо, с которым ведется мысленная беседа. Таково стихотворение “Шум тишины” [1, с. 111-112], названное пленившими автора образными словами мифологического Орфея:

За этим ли трофеем

я шла в разлад и разноречивой весны,

в разъятый ад, проведенный Орфеем?

Как нежно он сказал: шум тишины ...

Лирическая героиня другого стихотворения – “Вошла в лиловом в логово и в лоно ...” [с. 156-159] – отождествляет себя с шекспировской Офелией: *А я? Умно ль – Офелией безумной / цветы собирать и песню напевать?* Этот интертекст – трансформированная цитата из русского перевода трагедии – находит себе не только внешнюю мотивировку в реалиях кончины Офелии, украшавшей себя *цветами*. Мотивация является одновременно и внутренней: тематическая основа названного стихотворения, *цветного измышления*, – образы *цветов*, и интертекстуальная *импликатура* [термин см. : 5, с. 140] еще более расширяет его интенционал, вводя новые смысловые и эмоциональные акценты, связанные с инокультурным пространством и со сменой речевых субъектов в нем [2, с. 197].

Собственные имена у Б. Ахмадулиной вводят невербальный тип интертекста, усиливающий синестетическую доминанту в образной модели мира поэтессы. В стихотворении “Пора, прощай, моя скала...” [с. 160-162] неслучайно имя *Врубеля* связывается с цветовой реминисценцией *лилового*, одного из преобладающих цветов в палитре художника: *Как бедный Врубель тосковал! Как всё безвыходно лилово!* Эта реминисценция завершает тему *лилового*, с ее *оттенками околичными*, воплощенную в предшествующих строфах в олицетворениях *растений многожды лиловых – сирени* (фр. *lilas* ‘сирень’, ‘лиловый цвет’), *фиалок, люпина, ириса*.

Интертексты у поэтессы не ограничиваются единичными вкраплениями (цитатами или аллюзиями) – автор многократно их обыгрывает, извлекая многообразные стилистические и эмоциональные эффекты, углубляя и разворачивая метафорическое содержание. Так, образ *шума тишины* [с. 111-112] проходит лейтмотивом во второй половине одноименного стихотворения (в 5 строфах из 11), создавая в вариативных повторах особую замедленную ритмику и завораживая своим звучанием, в котором парадоксально в оксиморонной фигуре сталкиваются слова с общей фонемой (*Ш*), заостряя в своем звуко-символическом значении сложное единство противоположных смыслов.

Ключевым в стихотворении “Поступок розы” [с. 124-126] является интертекстуальный в русской поэзии, обогащенный длительной историко-литературной и культурной традицией образ *розы*. Введенный в начальной строке стихотворения сокращенной цитатой из И. П. Мятлева “*Как хороши, как свежи...*” – словами, которые стали крылатыми благодаря И. С. Тургеневу – этот образ становится основой развернутого лирического сюжета. Видимая неполнота цитаты, с выразительным многоточием в конце, открывает простор творческому воображению, мотивируя отход от заданности, которая могла бы быть продиктована влиянием первичного текста.

В сложной стилистике поэтессы привлекают внимание изощренные формы функционирования интертекста, рассчитанные на достаточно искушенного читателя. Интертекст часто вводится постепенно, сначала отдельными деталями, с которыми автор как бы играет и которые сначала производят впечатление случайных и только затем, благодаря более точным сигналам, отсылающим к первичному тексту, слагаются в целостную картину, органическую часть новой художественной структуры, для которой он послужил импульсом. Так в стихотворении “Тому назад два года, но в июне...” [с. 133-134] строка *Чем ярче пахнет яблоко на блюде <...>* неуловимыми ассоциативными ходами подготавливает появление имени автора “Антоновских яблок” в последующей, смежной строке: *... тем быстрый сон о Бунине темней*. Развитие сюжета и весь метафорический строй стихотворения подчинены этому заглавному образу: зрительные метафоры (*... изваяна округа / так выпукло, как школьный шар земной*) реализуют ассоциации с круглой формой яблока, а последующие детали, рассыпанные по тексту (*гимназистка, уездный город, вымысел-усадебка*) приобщают читателя к атмосфере бунинского произведения, с ощущением ее зыбкости, призрачности, с ее *блеском воспето́го мгновенья*, усиливающим суггестивность образа.

Подобный прием постепенного наращивания “массы” интертекста, начинающегося с намеков и заканчивающегося прямым “именным” указанием, встречаем и в стихотворении “Так бел, что опалает веки...” [с. 150-152], в причудливую словесную вязь которого вплетаются мотивы пушкинской “Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях”. Элементы интертекста обыгрываются в потоке субъективных ассоциаций, на которых строится текст и которые нуждаются в декодировании. Запах *черемухи* в ее цветении весной, во время выпускных девичьих балов, вдруг становится *хлороформным*, тяжелым, при воспоминании о *крайности славы – тризне по светлой Анне Павловой, царевне*, которой уготован *гроб хрустальный* и которую не в силах воскресить лирическая героиня, не наделенная даром *королевича Елисея*.

Подводя итог кратко, в силу ограниченности объема статьи, описанию некоторых особенностей использования интертекста в лирике Б. Ахмадулиной, нужно отметить, что одной из определяющих его черт является то, что интертекст образует основу для построения сквозных образов в целостном тексте стихотворения, давая мировому литературному и культурному достоянию прошлых эпох и стран новую творческую жизнь.

Поэзия Б. Ахмадулиной представляет богатый материал для продолжения исследований в области форм и способов преобразования интертекстуальных элементов в связи с новыми идейно-художественными задачами. В этом плане особо следует выделить в ее творчестве пушкинский интертекст, впечатляющий разнообразием путей его эстетического осмысления.

Литература:

1. Ахмадулина Б. А. Стихотворения / Б. А. Ахмадулина. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. – 382 с. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте, цифра в скобках обозначает страницу.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Собр. соч. – Т. 5. – М. : Русские словари, 1996. – С. 159-206.
3. Бублейник Л. Поэтическое слово Иосифа Бродского / Л. Бублейник. – Львов : СПОЛЮМ, 2006. – 168 с.
4. Оляндер Л. К. Интертекстуальність у ліриці Лесі Українки / Л. К. Оляндер // Леся Українка і родина Косачів в контексті української та світової культури [наук. зб.]. – Вип. 4. – Луцьк : [б. в.], 2011. – С. 132-137.
5. Balbus S. Między stylami / S. Balbus. – Kraków : Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych UNIVERSITAS, 1996. – Wyd. 2. – 442 s.